

С Новым годом, товарищи!

M-571

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 1 (2592)

Воскресенье, 1 января 1950 г.

Цена 40 коп.

С. МАРШАК

Новогодний ТОСТ

И вот — пятидесятый год. Столетие середина. Прошел полвека наш народ Шлагами исполня.

А из пятидесяти лет Последние две трети Так изменили белый свет, Как несколько столетий!

Народам мир несет страна, Создатель Советов. Она теперь уж не одна — За нею полпланеты.

На половине остальной Есть тоже люд рабочий, И верит он, что свет дневной Придет на смену ночи.

Мы отмечаем Новый год, Когда вокруг светла Свой годовой круговорот Планета завершила.

Соединили мы года, Связав их в пятилетки. Такой энергии труда Не знали наши предки.

В борьбе и строике каждый год Становится ступенью. За Новый год! За путь вперед! За вечное движение!

За ясный свет кремлевских звезд, Несущий мир народам. За Сталина — наш первый тост. И снова — с Новым годом!

Анатолий СОФРОНОВ

Эпоха Сталина

Двадцатый век! Пятидесятый год! Цветет, как сад, советская Отчизна. И перед нашим взором предстает Великая эпоха коммунизма.

Мы строим дом из новых кирпичей, Он нами прочно, навсегда заложен, Он от врагов стеною отгорожен, Открыт гостеприимно для друзей!

Двадцатый век! Пятидесятый год! Наш фронт могучий все сильнее и шире.

Народ един, непобедим народ, Знамена Мира полыхают в мире. Двадцатый век! Пятидесятый год! Цветет, как сад, советская Отчизна. И взором всех народов предстает Эпоха Сталина — эпоха коммунизма!

Эм. КАЗАКЕВИЧ

Спасибо солдатам!

Нынешней новогодней ночью зажгутся народные елки в наших мирных домах и хорошие люди поднимут стаканы за процветание дорогой отчизны, за ее рабочих и крестьян, за ее ученых и поэтов, за то, чтобы ее слава и богатство пружинились в наступающем году.

И не будет такого дома, где люди не помянули бы добрым словом нашу армию и ее солдат — от великого Гераклиссимуса до рядового.

Мир запомнил походы Советской Армии по дорогам Восточной и Центральной Европы, по равнинам Маньчжурии и Кореи. Мир видел силу нашей великой пехоты, нашей могучей артиллерии, нашей бесстрашной авиации, наших стремительных бронетанковых войск, нашего самого современного и зрелого военного искусства.

Но сила нашей армии — не только в технике, смелости и отваге ее бойцов. Сила ее в том, что она защищает справедливое дело.

«Сила подбавляет право», — сказал некогда идеолог германского империализма князь Густав Шпеле. Это было правильно для всех государств и всех армий, кроме нашей государственной и нашей армии. Теперь впервые в истории сила стала защитницей права — права трудящихся.

Наша армия в последней войне показала себя не только храбрыми солдатами, но и отважными революционерами. Ибо они боролись не только против вражеской армии, но и против реакционной идеи.

Сила нашей армии в том, что она приходила в чужие страны не для их порабощения, а для их освобождения. Там, где ступает ее нога, народы получают свободу, государства — независимость, крестьяне — землю, торговцы дрожат, пролетарии ликуют.

Такой видели в мечтах армию социализма Ленин и Сталин, такой они создали ее.

Кончается великий год, ознаменованный событиями первостепенного исторического значения. Сброшен с себя армоколонизатор и претерпевший многострадальную историю фашизм. Создана мирная Германская демократическая республика.

Развеваны в прах горячие мечты господ атомщиков о том, что они смогут безнаказанно разбойничать на больших дорогах нашей планеты: советские мастера науки и промышленности овладели «секретом» атомной энергии.

Начинается новый, великий год, год мирного труда и сознания под охраной великой армии, армии Сталина.

В морозном воздухе звенят красивые песни, и белые снега за ядро освещенных нашими сверкают отсветами праздничных огней.

Спасибо солдатам Сталина за мир на земле! Слава Сталину!

В ССП СССР

Президиум Союза советских писателей СССР созывает 25 января 1950 года в Москве очередную XIII пленум правления Союза советских писателей.

В порядке дня пленума: 1) О задачах литературной критики (докладчик А. А. Фадеев); 2) О методической литературе (докладчик К. М. Симонов); Об украинской детской литературе (соколадчик А. Е. Корнейчук); 3) О состоянии узбекской литературы (докладчик Ш. П. Рашидов, соколадчик Н. С. Тихонов); 4) Организационные вопросы.

квартирах, в которых в этом году стали жить тысячи советских семей, в преобразуемых степях и пустынях, где уже протянулись 100 тысяч километров колхозных лесопосадочных полос, в успехах советской культуры и во многом еще, столь же огромном и замечательном. И все эти итоги говорят об одном: мы быстро движемся вперед, мы движемся стремительно.

Это движение в большом и малом — и буквально всюду, во всех концах страны. Некрасов когда-то с горечью раздумывал над старым, уходящим годом: «в нем каждый день убийцей был какой-нибудь мотыль...». Советским людям каждый новый год несет исполнение самых их светлых, самых сокровенных мечтаний. Вот простая газетная хроника, разрозненные факты, — а не об этом ли говорят они?... В Таджикистане к концу этого года число школ возросло в тысячу раз по сравнению с до-революционным временем... В Грузии — 197 председателей колхозов имеют сейчас высшее образование, а более 1.200 — среднее... В Казахстане тысячи крестьян — бывших кочевников завели личные библиотеки. В Курской области за один 1949 год открылось 600 новых сельских клубов. На Украине колхозы приобрели тысячи грузовых и легковых машин... Можно без конца, без числа приводить также факты. Они составляют нашу жизнь, нашу действительность, они — живая ткань этой жизни, позволяющая нам, перефразируя слова Некрасова, сказать о нашем мигушем советском годе: в нем каждый день свершением был какой-нибудь мечты!..

Да, немало светлого и хорошего принес этот год советским людям! Значительными в нем были и успехи советского искусства, советской литературы. Советские писатели создали в 1949 году целый ряд новых талантливых произведений. Наша художественная литература продолжает расти и крепнуть, все глубже и сильнее вторгаясь в жизнь, все больше повышая свой идейно-художественный уровень. Стремление отразить новый этап в развитии нашей Родины, запечатлеть переход страны к коммунизму, воплотить образ нового человека, строителя коммунистического общества, — вот что все больше начинает характеризовать творчество лучших советских писателей, вот что все больше делает нашу литературу знаменосцем сталинской эпохи, формирующим коммунистические черты в сознании и характере людей.

Спокойно, уверенно, с пониманием своего могущества, вступает Советский Союз в 1950 год. Мы знаем — время за нас! С каждым годом, с каждым месяцем оно увеличивает наши силы. Еще не так давно мы были одни среди империалистического окружения. Мы одни противостояли фронту войны, фронту фашизма, фронту агрессии. А теперь? Теперь с нами, плечом к плечу в одном лагере, идут еще 600 миллионов человек! Теперь с нами целая семья стран народной демократии, встретивших 1950 год также крупными успехами в строительстве социализма. Теперь с нами могучий революционный Китай, с каждым днем увеличивающий свои силы. Теперь с нами Германская демократическая республика. Такие силы нельзя запугать, нельзя повернуть вспять! Лагерь мира и демократии непобедим!

И пусть неистовствуют обреченные истории! Пусть неистовствуют те, кто хочет сохранить общество, где насчитываются десятки миллионов безработных и полубезработных, где в городах, как, например, в Нью-Йорке, существуют ужасные рабочие трущобы, несущие символическое название «адской кухни», где Старый год пришел нуждой и горем в простые семьи, а Новый год «с порога» убивает все надежды, если они еще остались, — пусть неистовствуют адвокаты этого бесчестного, бесчеловечного мира!

Чем больше исходят злобой и клеветой поджигатели войны, тем больше спокойствия и выдержки проявляет лагерь мира. Мы твердо знаем — силы мира и демократии, силы правды и прогресса сумеют обуздать силы войны. Жизнь и будущее принадлежат нам, принадлежат коммунизму. Торжество социализма и демократии неизбежно.

Величественные перспективы, огромные задачи встают перед страной в новом году. Досрочно выполненная пятилетняя пятилетка, развивая новые, высшие формы социалистического соревнования, искоряя недостатки, решительно развертывая критику и самокритику, без которой нет и не может быть движения вперед, — советские люди достигнут в 1950 году новых замечательных успехов.

Вперед же, по сталинской дороге, в солнечное будущее, навстречу коммунизму! С Новым годом, с новой славой, любимая Родина! С Новым годом, с новым счастьем, дорогие друзья!..

Н. ГРИБАЧЕВ

ГРЯДУЩЕЕ НАШЕ ИДЕТ

По свежим сугробам хрустящим, У каждых дверей и ворот, Еще не протая с настоящим, Грядущее наше идет.

И все мы, все без исключения, Все, сколько нас есть сыновей, Принесом свои поздравленья Советской Отчизне своей.

С борьбой ее, трудной и правой, С размахом великих работ, С победою со светлой славой, Достоинство венчающей год.

С любой высоты неоглядна, Одега в снега, как в шелка, Вся она людям понятна И сердцу до боли близка.

И есть у нас добрый обычай — При всех указать, не тая, Что в славе ее безграничной Есть честная доля твоя.

И есть у нас тост всенародный — За благо родимой страны,

За кормчего нашей свободы, Чьей силой мы в мире сильны.

За всех, обгоняющих время, За всех, кто искал и открыл, За всех, кто трудился со всеми, — От южных морей до Курали

Потом при речах окрыленных, Стыкая боками крут, Мы выйдем за счастье влюбленных, За наших друзей и подруг.

Но это — потом. А сначала, Торжественно встав у стола, За ту, что нас в реках качала, За ту, что по жизни вела.

За ту, что светлее и краше Всех прочих, что мы обожли, — За милую Родину нашу, За счастье советской земли.

При кликах задранных, при свете Соведалий, летящих в рассвет, Входи.

Половина столетия, Для новых трудов и побед.

Вера ПАНОВА

ЗДРАВИЦА

Год кончился. На Спасской башне заснеженного Кремля часы отбивают полночь. В миллионы радиоприемников и репродукторов повсюду бой кремлевских часов, его слышат во всем мире.

Упадет двенадцатый удар, мы савинем наши чары, мы скажем: с Новым годом, с новым счастьем!

И 1950-й год, срединный год века, глянет с календаря празднично и юн... Мы исполним милый сердцу обычай встречи Нового года. Много раз в эту ночь каждый из нас произнесет: «Ну, желаю вам в 50-м году...» — но только есть тут, друзья, одна существенная неувязка: вель календарь-то мы, советские люди, принимаем условно. Остался календарь от нашей жизни, не поспеет за полетом нашего времени — ветхий григорианский календарь!

Лучшие наши стахановцы выполнили свои производственные задания на пятинацать лет вперед. Что же — прикажете человеку считать, что настал 1950 год, когда он работает уже в 1967? Наши советские ученые-новаторы создают машины, на столетие опережающие нынешнюю мировую технику. Эти машины, творение ума и таланта людей сталинской эпохи, служат прообразом техники будущего века, XXI, — не в будущем ли веке чувствуют себя творцы этой техники?

Крестьяне Румынии и Польши, еще не так давно владившие серую, напущую, страшную жизнь без надежды на счастье, — вот они ездят по огромной, богатой, доброй стране Советов, вот они смотрят: как устроили свою жизнь трудовые люди, скинувшие с себя цепи рабства, строющие коммунизм. Не для того смотрят гости из стран народной демократии на наши колхозы, чтобы, вздохнув, позавидовать счастью советских людей; для того смотрят, чтобы, вернувшись в свои края, на основе нашего великого опыта залить у себя тот же общественный поряток — сегодня же, завтра залить!

Который год у вас, друзья, приходится учиться у советского народа? В тот день, когда вы встали под сталинское знамя, вы единым шагом перешагнули через многолетние неуживчивые и тяжкие лет, и далеко позади остался ваш старый календарь.

Трудно представить себе, что всего тридцать два года прошло с тех пор, как совершилась Октябрьская революция. Тридцать два года — это часть человеческой жизни. Мои сверстники помнят величест-

венные и суровые годы гражданской войны, ожесточенный натиск всех сил мировой реакции на молодую страну пролетарской революции, и полка коммунистов, уходящие на фронт, и неотопленные города, и хлеб с соломой пополам. Мы не по книгам все это знаем, это часть нашей истории. О, как в этих трагичных походах, в этих оконченных от стужи городах мы мечтали о коммунизме! Мы понимали, что все это громадное, грозное и трудное совершается для того, чтобы проложить трудящемуся человечеству дорогу в лучезарное будущее. Но при всей нашей юности и при всем горении нашем — могли ли мы тогда представить себе, что цель будет достигнута в столь малые сроки? Что на этих самых необузданных, истоптанных полях за какие-то три десятка лет расцветет жизнь такого изобилия и такой красоты, о которых понятия не имело человечество!

Какой календарь убедит нас в том, что это были три десятка лет, а не столетия? В обществе, устроенном на старых, истлевших началах, в капиталистическом обществе человек живет одну жизнь. Однодневную, сколь бы длительной она ни была. Люди нашей страны прожили несколько жизней и проживут еще несколько. Стремятся вперед наше время, и с ним стремимся мы, советские люди. Советский человек оглядывается назад — вот его жизнь в эпоху восстановления. Вот его жизнь в первые пятилетки. Вот мы в войне, — великое испытание вызвало на новый громадный подъем всех наших чувств и сил. Вот мы сегодня на пороге коммунизма...

Трицать два года. И мы, строители, с гордостью и восторгом завершаем свое дело. И Великий Золчий — наш Сталин — с нами!

Мы видим глазами и трогаем руками то, что было когда-то предметом наших мечтаний. Да, в нашей стране создана великоколесная техника. Да, мы передаем географическую нашу страну, присоединим к культурным центрам в прошлом отсталые окраины, делаем плодородной бесплодную землю пустынь, навеки ставим крест над бытом человечества — засухой. И леса наши понимаются быстрее, и самолеты летают быстрее, и люди наши растут быстрее, чем полагается по календарям и техническим нормам!

...Быют часы на Кремлевской башне. Неполный торжественный звон плывет над Красной площадью, где в мазолье нетленно покоится Ленин, плывет над снежной Москвой, над миром.

Как бы далеко в грядущие годы ни унесло нас время, мы исполним милый привычный обычай: савинем чары и пожелаем друг другу еще большего счастья в наступающем году — все равно, так и быть, пусть по условному общему счету это будет 1950 год.

Наш первый тост — за Великого Золчего коммунизма, за учителя и вождя, за человека, которому посвящены все дела наши и мысли, — за Иосифа Виссарионовича Сталина. Пусть неизменно сопутствуют ему здоровье, удача, счастье!

И второй наш тост — за всех, кто трудится не покладая рук на великой стройке. Кто не стоит в стороне, равнодушно взирает на наши старания, но отдаст общему делу все силы свои и помыслы. Ибо только такой человек достоин того, чтобы люди в новогоднюю ночь с уважением, от всего сердца пожелали ему счастья.

Гордость нашего рабочего класса — передовики-стахановцы, желаем вам в наступающем году еще больше опередить время!

Рабочие и инженеры, изобретатели, новаторы, замыслившие новые изобретения и технические усовершенствования! Ученые, стоящие на пути в новым открытиям! Пусть в 1950 году победно завершатся ваши замыслы!

Колхозники, да будет этот год годом неслыханных урожаев, да увеличатся наши стада, да прославятся новые и новые тысячи людей колхозной деревни — передовики, мичуринцы, Герои Социалистического Труда!

Художники — писатели, композиторы, живописцы — пусть создадут в 1950 году новые творения, достойно прославляющие сталинскую эпоху и ее людей!

Еще тост — за матерей. За матерей-тружениц, растивших новые поколения счастливых граждан коммунистического общества. Будьте счастливы, матери! Пусть будут здоровы ваши дети, пусть будет все у них светло и благополучно. Дорогой широкой и ровной идут они в жизнь, и мы, матери, радуемся, глядя на них. Нам не приходится думать о том, как бы им «выбиться в люди», — их ждут, они нужны, для каждого из них уютно в нашей советской жизни прочное место. Вместе с ними мы понимаем на вершину, на которую ведут нас Сталин и партия большевиков, — и вместе порадуемся, и вместе отпразднуем великий день...

...Быют часы на Кремлевской башне. С Новым годом, товарищи! С Новым годом великой сталинской эры построения коммунизма!

Фотомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО и Е. ТИХАНОВА

ЗА СЧАСТЬЕ!

Когда вчерашний день перешел в сегодняшний, за нашими веселыми праздничными столами поднялись советские люди. Прозвучал первый тост — за великого вождя — традиционное доброе пожелание: с Новым годом, с новым счастьем!

С новым счастьем!.. Быть может, эти слова и не новы, но каждый из нас вкладывает в них глубокое содержание именно потому, что он знает и цену и вкус счастья.

Заложенное в самой природе человека стремление к радости впервые в истории достигло результатов не для поработителей или отдельных «счастливчиков», а для целого народа. Об этом мечтали и за это боролись лучшие люди земли. Этого достиг наш советский народ, построивший социализм и смело прокладывавший путь к вершинам коммунизма.

Брасное знамя стало не только знаменем революционной борьбы, но и знаменем радости. Под его сенью на одной шестой земли люди пришли к счастью. Пример их вдохновил и указал путь трудящимся всего земного шара.

В числе достижений нашего отечества есть одно, которое не входит в сводки и не исчисляется цифрами. Мы сами подчас не замечаем его, занятые повседневными, но великими делами. Речь идет о мироощущении советского человека, о новом душевном строе людей, сложившемся в результате полугодовых усилий и трудов большевистской партии.

Товарищ Сталин писал Демьяну Бедному: «Это очень хорошо, что у Вас «радостное настроение». Философия «мировой скорби» не наша философия. Пусть скорбят отчаянные и отживающиеся».

Солнечный оптимизм освещает все стороны нашей жизни. Он силен потому, что великие идеи, воплощаемые в действительность, являются его фундаментом.

Радостное жизнеощущение советского человека не покидает его и в трудные минуты, в трудные времена.

Мы помним полеты Чкалова и короткие радиотрансляции с борта обледеневшего самолета: «Все в порядке!» Возврат бешулава стихия, смерть покрывала ледяной коркой крылья машины, но в кабине были советские люди, до последней капли крови верившие в жизнь. Эта вера дала им победу.

Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне — образец высшего подвига, который когда-либо совершался на земле. Он складывается из миллионов подвигов тружеников фронта и тыла.

В духах советских людей победа родилась раньше, чем она развернулась на полях сражений.

Бодрость и жизнелюбие, свойственные советским людям, отнюдь не связаны безмятежностью. Эти бодрость и жизнелюбие рождены в преодолении трудностей, и каких трудностей!

Многие наши победы были одержаны за границы — и неугасимы и долговечны. — как чудо. Но не вера в чудеса, а вера в силы свободного человека составляет душевный строй творцов невероятного и небывалого.

Не случайно образы великих жизнедеятель, созданные в нашей советской литературе, так полюбившиеся читателям. Копчанин и Воронцов — не страдания, а победители. Книга о юношах и девушках Краснодара утвердила бессмертие молодых героев. Алексей Максимович Горький мечтал о книге человеческой радости. Такие книги есть у нас теперь. Народ выбросил за борт унылые стихи и скептическую прозу «отходящих и отживающих».

Такова закономерность нашего времени. Такова природа мира радости, с полным правом поднимающего сегодня тост:

— За наше счастье! За наше завтра! Рождаются величественные планы новых городов и деревень, на заводах давно

уже слают продукцию в счет нового, 1950 года, в колхозах готовятся к весеннему севу, — у нас, в советской стране, всегда смотрят вперед.

Радостно глядя в будущее, торжественно входят во вторую половину века страны народной демократии.

И только за границами этого нового радостного мира кричащие листы английских и американских газет и журналов красноречиво свидетельствуют о том, с чем старый мир вступает в новый, 1950 год.

На последних страницах — юмор, карикатура. В «Дейли миррор» рисуют: мальчик спрашивает у отца, читающего газету: «Придет ли в наступающем году дед-мороз или он предназначается лишь для экспорта?».

Еще веселее карикатура в газете «Сан-ди Кроникал». Галазка с черной кошкой и пог принимает посетительницу и говорит ей: «Будущее так мрачно, что я решила бросить свою профессию».

А вот — «развлекення», соединенные с «наукой». Нью-Йоркский планетарий с помощью показав американцам «глобус мира» в пяти вариантах, в развлекательных и познавательных целях.

Четыре из пяти вариантов изображены в английском журнале «Иллюстриейд Лондон ньюс»: 1. Мир гибнет в результате взрыва и сжатия земной коры; 2. Мир гибнет в результате вторжения звезды в солнце; 3. Комета сталкивается с землей; 4. Луна сталкивается с землей. Пятый вариант — солнце остывает, и земля превращается в бесплодную пустыню — редакция журнала предусмотрительно не напечатала. Уж слишком он символичен: капитализм действительно находится на закате, и земля под ним становится сухой и бесплодной.

В ожидании неминуемой катастрофы империализм пытается выхватить свою гильберт за гибель «цивилизации», пытается всячески запугать простого человека. В американском научном (!) журнале «Сайенс дайджест» опубликована статья под характерным заголовком: «Юнец света». Редакция научного журнала ожидает геологической катастрофы, когда земля будет сорваться от иной планки смерти, колоссальное количество расплавленной лавы будет вырваться сквозь трещины в земной коре и заливать сотни тысяч квадратных миль».

Тот же журнал приводит интересную цифру: сорок миллионов (!) американцев, видимо, в ожидании столкновения луны с землей или геологической катастрофы увлекаются азартными играми. Это увлечение доходит до психического расстройства.

Там, где будущее представляется мрачным, взоры обращаются в прошлое. «Сатердей вивинг пост» пишет: «В наши дни, более чем когда бы то ни было в истории, американцы, очерта голову, устремляются в прошлое, навстречу призракам королей... Увлечение генеалогией всегда охватывало страну во времена кризиса. В настоящее время оно достигло национальных масштабов».

Но закончим нашу экскурсию по страницам зарубежной печати. Вряд ли сообщать нам что-нибудь поучительное статьи, они заголовки которых говорят сами за себя: «Слабоумные могут стать миллионерами»; «Ворует ли ваша жена?»; «Как продать яблоко за десять тысяч долларов»; «Мой муж покончил самоубийством»; «Она знакома с привидениями из высшего общества».

Пусть сходит с ума «спринцевания из высшего общества». Наступил Новый год — год наших светлых побед, великих планов, исторических свершений. С полным правом, с высоким душевным подъемом говорим мы, радостно смотря вперед:

— С Новым годом! С новым счастьем!

С агрогородом, друзья!

Издавна так ведется:

— С Новым годом, дорогие товарищи! С новым счастьем, с новым здоровьем! С новым урожаем! С новыми тоннами угля, нефти, железа, стали! С новыми станками, машинами! С новыми книгами! С новыми песнями! С новыми песнями!

А вот на нашей, на Советской Украине мы еще с радостью поздравляем наших колхозников:

— С новым агрогородом! Колхозники Черкасского района, Киевской области, в письме к Никите Сергеевичу Хрущеву обязались за десять лет перестроить свой район; вместо старых сел с кривыми улицами, с непролазной весной и осенью грязью, построить новые советские, колхозные, — и не села, а города!

Черкасский район, Киевской области, имеет 30 сельских советов и 44 колхоза. Вместо 30 сел и 44 сельскохозяйственных артелей будет 12 агрогородов.

21 декабря 1949 года, в день семидесятилетия великого Сталина, состоялась закладка первого в мире агрогорода.

Четыре черкасских села: Талыки, Хуляки, Ломоватое и Леськи с шестью их колхозами постановили объединиться вместе и построить агрогород.

Первому агрогороду колхозники присвоили имя творца колхозной жизни, отца, учителя и друга колхозного крестьянства, Иосифа Виссарионовича Сталина.

Разработаны все проекты, планы. Две тысячи новых домов будет выстроено в новом агрогороде. В центре на площади — монумент И. В. Сталина. Дом горсовет, правления колхоза, дом культуры, театр, кино, три школы-семилетки, одна — десятилетняя, поликлиника, больница, аптека, баня, магазины, гостиница, ресторан, рынок.

Асфальтированные улицы, тротуары, водопровод, канализация.

Дома из 2—3 комнат, с ванными и т. д. В усадьбе — службы, огород, садик...

Колхозные постройки, административные и хозяйственные.

По последнему слову науки, применительно к производственным задачам объединенного колхоза, распланировано и организовано 7.000 гектаров земли.

Учеными все требования производственной и бытовой культурной жизни.

Сады, виноградники, ягодники, полезащитные насаждения, пруды, искусственное орошение.

Ну, конечно же, стадион, радиоузел, почта, телефон, телеграф.

Пристань на Днепре с водной станцией.

Настоящий, культурный, благоустроенный город с 10 тысячами населения.

Новый, 1950 год даст начало первому агрогороду.

Готовятся кадры колхозников-строителей, возникает предприятие для производства местных строительных материалов, чтобы с весны приступить к созданию агрогорода.

Агрогород будет строиться по проекту и под руководством Академии архитектуры УССР, во главе с президентом Академии лауреатом Сталинской премии В. Заболотным, поточно-скоростным методом.

И те, кто знакомится с проектом, невольно спрашивают:

- И клуни не будет?
- И клуни не будет!
- И стрихи не будет?
- И стрихи не будет!
- А крынина? А журавль возле крынины?

— Не будет! И горшков на тыну не будет! Всего этого, к счастью нашему, не будет!

... С новым агрогородом, дорогие товарищи!

КИЕВ

Торжество науки

Под Новый год всегда было принято думать и гадать о будущем.

Темным, неизвестным представлялось людям будущее в прежние времена: что принесет грядущий год? Урожай или засуху, работу или безработицу, нужду или достаток, мир или войну? Все было, как говорили тогда, «в руке божий». Жизнь казалась бурным океаном, где каждая семья в своей лодочке боролась с волнами и ветрами, как умела.

Не так думают о будущем советские люди. Наши рабочие уверены в том, что без работы не останутся. Наши колхозники знают, что урожай в их руках, что в случае засухи они и засуху победят. Не покорно, не в отпущку борется каждый отец и каждая мать за счастье своих детей, а весь народ строит свое будущее общими силами и по общему научно обоснованному плану.

Мы ясно видим свой путь — не на год, а на много лет вперед. У нас появилась новая энциклопедия времени — «Пятилетка». И это не просто энциклопедия времени. Со словом «пятилетка» связано у нас представление о разумном, планомерном труде целого народа.

Минурин говорил: «Мы должны... вызвать в жизнь существа будущего, которым для своего появления надо было бы прождать всего...»

Так мы скажем только творческим мыслям человека. И это новое творческое мышление характерно для всех наших людей, где бы они ни работали — в лаборатории, в поле или на заводе. Все они стремятся победить время для того, чтобы как можно скорее вызвать в жизнь растения будущего, машины будущего, города будущего, весь тот прекрасный, преобразованный мир, о котором столько веков мечтали лучшие люди человечества.

Другим стало самое представление о времени. За тридцать два года наша страна изменилась так, как не менялась эпохи резкого перехода от низшей ступени к высшей. Но история никогда еще не знала такого быстрого погрома, как в наши дни и в нашей стране, строящей коммунизм.

Когда в день семидесятилетия товарища Сталина мы восстанавливали в памяти весь пройденный им исторический путь, нам трудно было охватить мыслью все, что он сделал для нашей Родины, — такой гигантский труд был им совершен!

Многие вспоминали в этот день слова товарища Сталина: «... Великая энергия рождается лишь для великой цели». В этих словах — ключ к пониманию нашей эпохи. Для крупного подвига, для того, чтобы шагнуть через столетия, нашему народу и его вождю понадобилось напряжение всех сил и всех добровольцев.

Но одной только энергии было бы мало, нужны были и великие знания.

Каждая пятилетка была победой ленинско-сталинской науки о преобразовании мира.

Надо было знать законы истории для того, чтобы изменить историю. Надо было знать, что таит в себе земля, для того чтобы смелой рукой преобразовать землю на просторстве в двадцать два миллиона квадратных километров.

Бывало, когда каждая наука жила своей отдельной, обособленной жизнью. Существовало выражение «кабинетный ученый», и это совсем не звучало пролетарски. Замкнувшись в своих кабинетах, архивах, музеях, ученые делали свое дело, редко интересуясь тем, что происходит за стеной, в соседней области науки, и еще менее заботясь о том, что делается в практической жизни. Рассеянный профессор с отсутствующим взглядом, беспомощный в житейских делах, — так изображали ученых в романах и пьесах, и такими они и были в большинстве своем чуть ли не с тех времен, когда Аристофан высмеял этот тип ученого в комедии «Облака». Люди, умеющие сочетать в своей деятельности больше общения с большими замыслами, мысль и дело, теорию и практику, составляли исключение. Имен Мещеряев, Докучаев, Шпильевский, Мичурин ждали лучших времен для своего осуществления.

Как все изменилось с тех пор! Люди советской, сталинской науки — это люди действия, превращающие теорию в практику, мысль в работу. На смену кабинетному ученому пришел ученый-инженер, ученый-агроном. Центр тяжести научной работы переместился из кабинета и архива на заводы, в леса и поля. Но не будем обижать наши архивы! Побывав в институтах, занимающихся проектированием электростанций, рудников, оросительных систем. Там архивные документы — чертежи, расчеты, пояснительные записки — не успевают покрываться пылью. «Сдать в архив» там совсем не значит оставить в покое. Опыт все время копится, сегодняшний день опирается на вчерашний или, вернее, отталкивается от него.

Архив, архивариус, археолог... Эти слова еще недавно соединялись в нашем представлении с чем-то отжившим, далеком от современности. А теперь советский археолог, ведущий раскопки, служит тому же делу преобразования мира, в котором участвуют ученые других специальностей. Прошлое работает на будущее. Каждое открытие, сделанное где-нибудь в Хорезме или на Алтае, подтверждает правильность марксистско-ленинского учения о развитии общества — учения, преобразующего мир.

Так все науки у нас, как реки, текут в одну и ту же океан.

За последние десятилетия мы были свидетелями того, как все больше и больше исчезала обособленность, которая раньше отгораживала науку от науки, ученого от ученого.

Грандиозные задачи преобразования природы требовали комплексного решения. За одним столом встретились на совещаниях гидротехник, ботаник, ихиолог, почвовед, агроном, лесовод. На сессиях Академии науки каждый ученый по очереди говорит о своей области знания. И в те же время во всех докладах идет речь о том, как заставить силы природы помогать нам в нашем труде. Падение воды с высоты горного потока и мощь, сосредоточенная в ядре атома, пояс рул, протянувшиеся через всю нашу землю, и необоримый земной океан лесов, которому нет равного в мире, — все должно служить одной великой цели — счастью человека.

Для книг 1950 года

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В канун Нового года наш корреспондент посетил завод, имеющий самое непосредственное отношение к тем новым книгам, которые должны получить читатели в 1950 году. От машин этого завода — «Линотип» — во многом зависит быстрота выпуска книг, их прочность, красота, дешевизна.

В 1949 году завод дал уже несколько таких машин — оклееннокопальные, блочко-обрабатывающую и крышкоделательную, которые в пять-шесть раз повышают произ-

водительность труда переплетчиков. Другая машина — шрифтолитейная — является автоматом и превосходит все лучшие аналогичные образцы. Модернизированный линотип, в его конструкции внесены 85 усовершенствований, повысивших производительность на 15—20 процентов.

Полным ходом идет работа над машинами 1950 года. Это литографическая машина, предназначенная для шнурки книжных блоков, автоматы для перфорации монотипной ленты и т. д.

И сейчас, подходя ко второй половине века, мы видим, что великая цель, рожденная великой энергией, уже не так далека от нас. Мы считаем оставшиеся пятилетки (еще 15—20 лет), и мы устроим обем производства, мы сделаем новый огромный шаг к необычному изобилию, к тому времени, когда осуществится принцип коммунизма: «от каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям». За эти годы наука и техника еще сильнее преобразят труд советского человека на заводе и в поле.

Если бы мы захотели назвать самые характерные черты нашего рабочего или колхозника, мы непременно должны были бы вспомнить об их вере в науку. Советский человек убежден в могуществе науки, в ее грядущем небывалом торжестве, в том, что наука — это величайшее благо, от которого он ждет множество благ. Наука победит навсегда засуху, наука одолет болезни, наука избавит людей от тяжелой и неприятной работы, наука создаст сады и поля в пустыне и тундре, наука сделает жизнь каждого человека более счастливой и долгой.

Каким контрастом к этому кажется тот страх перед наукой, который испытывают многие люди в капиталистическом мире. Они с ужасом видят, что наука в их странах находится в распоряжении тех, кому война выгоднее, чем мир, кто не постеснялся бы залить кровью землю, лишь бы сохранить свои сверхприбыли. В руках торговцев смертью физика грозят городам атомными бомбами. Биология и медицина готовят безжалостное бактериологическое оружие, вызывающее из средневековой «черной смерти» — чуму, химия подбирает ассортимент ядов, техника строит машины для уничтожения людей или, в лучшем случае, для лишения рабочих работ.

Страх перед наукой не скрывают сами ученые. В довоенные годы вышла книжка под названием «Разочарование в науке». В ней известные английские ученые перечисляют беды, которые могут принести человечеству физика, биология, авиационная техника и прочие области знания.

Но, к счастью для народов, сверхмонополистам не удалось захватить монополию на владение атомной энергией и другими силами природы, которыми научилась управлять наука. Торговцам смертью известно ныне, что народы, борющиеся за мир, не беззащитны и не безоружны.

И сейчас, на пороге Нового года и в предверии второй половины века, мы с надеждой и доверием смотрим на нашу науку, которая помогает нам не только строить новое общество, но и с полным сознанием своей мощи отстаивать мир во всем мире.

Бодро и уверенно встречаем мы 1950 год. Никако еще за всю свою многовековую историю народы нашей страны не чувствовали себя такими едиными, такими сплоченными.

В общем дружном труде, вдохновляемом сталинским гением, нарастает прилив творческих сил миллионов людей, устремившихся в едином порыве вперед к коммунизму!

СЕРЕДИНА ВЕКА

Пришел 1950 год.

Сегодня мы по старой традиции подводим итоги наших достижений во всех областях народного хозяйства, науки, техники, литературы, искусства. Мы вспоминаем о дальнейшем укреплении могучего международного авторитета нашего государства — стойкого борца за мир, за подлинную народную демократию. Душевно говорю о последнем, самом ярком событии прошедшего года — о чествовании нашего тениального вождя в день его семидесятилетия, об этом всенародном торжестве, выражении силы, творческой мощи, величия и мудрости советского народа.

Отчаяя все эти события, мы вспоминаем и о том, что освобожденное человечество уже не ограничено одной шестой частью планеты, а треть населения нашей старой Земли дышит сегодня полной грудью. И мы радостно ждем руки нашим братьям за рубежом и поздравляем чехов, словаков, поляков, болгар, венгров, румын, албанцев, корейцев, народ демократической Германии, великий китайский народ с их историческими победами.

Мы уверенно идем вперед, потому что мы — творцы своего счастья, и оно зависит от нас самих, от нашей воли к труду, от нашей готовности к подвигу. Мы знаем — наступающий год будет хорошим трудовым советским годом, полным творческих дерзаний и побед, годом, который не на год, а на много лет приблизит нас к коммунизму.

Новый 1900 год жители этого города никак не встречали. Был день вчерашний, пришел день завтрашний — такой же холодный, бесприютный, беспросветный. Конец века был ознаменован в Екатеринбург тремя событиями: закрылась мельница Брашова, закрылась мельница Паласова, закрылась маслобойка барона Штейнгеля. Локаут. В один и тот же день все рабочие горда оказались на улицах...

По всей видимости, барон Штейнгель не забыл отпраздновать приход нового века. Но я вспоминаю иное — «обзорку» на базаре, где отец мой, уволенный, как и все остальные, покупал за 3 копейки мутную бурду на все семейство. Годов сотен рабочих срыв тучных кубанских черемухов, рылом с паласовской лабазами, доверку заваленным белой крупчаткой, — вот она, зима 1900 года.

Недавно, перелистывая в Ленинской библиотеке газеты, вышедшие 50 лет назад, я старался найти, чего ожидала от нового года интеллигенция, так называемое «общество».

Но и от этих газет поведало на меня гнетущим мраком. «Биржевые ведомости», невзирая на праздник, были сплошь заполнены объявлениями о судебных делах. В «Мире божьем» попался один рождественский рассказ, но в нем не отвечал теме. Официальные московские и санкт-петербургские «Ведомости» просто «не заметили» прихода нового года — ни одной строки!

Впечатление такое, что люди совсем не умели поводить итоги, да и итогов-то не имели, чтобы их поводить. Газеты не отмечали ничего в ушедшем, не ждали ничего от будущего.

Но не по «Биржевым ведомостям» и не по «Мире божьему» нужно судить о прошлом нашей Родины. Есть другие источники, повествующие о тех временах. Есть другое — настоящее — начало нашего века!

1900 год. Первый номер ленинской «Искры». Переодова, которую написал Владимир Ильич Ленин:

«Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединены со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянутся все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексеевича: «вспомните мускулатура века миллионов рабочего люда, и ярно деспотизма, ограбленного солдатскими штандартами, разлетится в прах!»

Вот чем поистине ознаменован рубеж двух столетий!

...Прожито с тех пор полвека. Срок, в сущности, небольшой — жизнь одного поколения. А какими гигантскими историческими событиями отмечено это время!

Борьба великих вождей Ленина и Сталина за создание, развитие, рост большевистской партии — партии, которая возглавила революционное движение пролетариата и крестьянства. 1905 год — генеральная репетиция перед сокрушением твердынь буржуазно-помещичьего строя. Победа Великой Октябрьской социалистической революции, ставшая началом новой эры в истории человечества. Создание гения Ленина и Сталина первого государства рабочих и крестьян — страны Советов. Сказочный рост нашей Отчизны, веломой товарищем Сталиным. Годы, до края заполненные пафосом сознания, когда века сократились до пятилеток, а недели до часов, когда каждый шаг приносил новые победы. И главный результат этих огневых лет — победа социализма.

Последние десятилетия... Жестокая война в истории человечества и величайшая из побед. Разгром фашистских орд и победа, ставшая началом нового, прекрасного периода в жизни народов мира. Строительство социализма в странах народной демократии, свершение славы китайской революции, рождение демократической Германии. Неуклонное движение советского народа к светлому коммунистическому завтра...

Эти всемирно-исторические события наполняют нашу эпоху, определяют самое дыхание двадцатого столетия!

2

Говоря о дыхании нашего века, невольно думаешь и об одном из существенных ускорителей бешеного бега времени и событий. И я имею в виду великие открытия науки и техники, без которых нельзя представить цельного представления об истории наших десятилетий. Недаром все наш называют «веком расцвета техники».

Действительно, почти все, что окружает нас сегодня, получило развитие в первое десятилетие XX века. Самолет и электричество, комбайн и трактор, автомобиль, радио, кино...

Вспоминаю свое изумление, когда увидел я впервые «свечу Яблочкова» на улице Екатеринбургской. А вблизи по-настоящему разглядел электрическую лампочку лишь много лет спустя на цементном заводе в Новороссийске. Вспоминается и первый фонограф с резинowymi трубами для ушей. Демонстрировали эту «чудо-машину» на ярмарках. С восторгом валила призрачно звучал комарный звон, лишь отдаленно напоминала человеческий голос. Или биоскоп, синематограф, также появившийся в начале века на российских ярмарках... Сказками входили в жизнь эти новинки, без которых не мыслятся современные наш быт.

Но, вспоминая все эти «чудеса XX века», тут же думаешь о другом — о том, что сопутствовало промышленному росту. Конец XIX века — начало XX века — это традиционный промышленный кризис в Европе. С 1900 по 1903 год в России открыто было около трех тысяч предприятий и свыше ста тысяч рабочих выброшено на улицу.

Мы знаем пену буржуазному «прогрессу»: превращение рабочего в придаток машины, в бездумного робота — вот одно высшее достижение капиталистического «расцвета техники».

Полная история человечества — история величайшего расцвета могущества человека — началась с Великого Октября. Можно двумя словами сказать обо всем, чем жил наш народ более тридцати лет, — мы строили и защищали построенное. И не о войнах, не о колониальных захватах думали советские люди, а о величайшем в истории человечества созидании. И часто думаю об этом и всегда вспоминаю край моего детства — ничью пензенскую деревушку Чернавку, в которую с колхозом и трактором пришло счастье...

Когда я писал свою «Повесть о детстве», виделась мне глухая Чернавка и жители ее — хорошие, душевные люди, которые буйствовали от нищеты, бесправия, голода.

И вот комсомольцы, внуки моих бывших сверстников, пижут мне из Чернавки, из колхоза «Красный ключ», что они наметили план «по озеленению села Чернавки и его окрестностей». «Против библиотеки сады в один гектар и возле школы — сад, а к концу 1950 года — все улицы и площади села Чернавки обсадишь плодово-ягодными и декоративными деревьями».

Пожалуй, за всю свою долгую жизнь не приходилось мне так ярко чувствовать контраст между прошлым и настоящим, так наглядно увидеть вдруг весь огромный путь, пройденный нами за три десятилетия, небывалый рост советского человека...

«...Работа у станка, наш рабочий кушает не только о том, как лучше сделать вещь, но и о том, как скорее достичь реальных успехов в деле строения социалистического, бесклассового общества».

Это сказал Алексей Максимович Горький в 1931 году. Он видел тогда чудесные входы коммунизма.

В Москве, на Днепровске, в Новороссийске, на Урале встречал я таких рабочих, полных решимости выполнять любое задание партии, народа. Их миллионы — слава труженикам сталинской эпохи.

И не знаюю здесь имен — много их в моих записных книжках, — ибо такой новый рабочий с каждым днем становится

типичнее для нашей советской жизни. И едва ли вы отличите сегодняшнего стахановца, частого гостя заводской лаборатории, специалиста, не только читающего десятки книг по вопросам своей профессии, но умеющего, если надо, написать и свою книгу, умно и глубоко думающего, давно уже перевалившего по своему труду во вторую половину века — работающего сейчас где-то между 1955 и 1965 годами, — едва ли вы отличите такого стахановца от технолога, инженера.

Новое пламя строительной коммунизма растет и множится с каждым днем. Появляются заводы, колхозы коллективного стахановского труда. А задача поставлена великая: в се предприятия, в се болыком сделать такими. И раз поставлена такая задача, раз народ думает над этим, — значит, обязательно достигнет!

***

По-разному именовали люди век, в который мы живем. Когда-то в пору всеобщего увлечения новинкой — электричеством, наш век назвали «веком электричества». Сэтим, как и со всем против «прогресса» капиталистической техники, связывали всеобщее благоденствие, развитие наук, рай на земле. Позже практичные янки, которые повели электричество к электрическому стулу, придумали веку новое имя — «атомный век». Впрочем, и японские империалисты, представшие ныне перед судом, тоже зарылись на наш век и даже приуменьшали, может быть, новое название — «бактериологический», или там «чумный» век...

Мы иначе понимаем задачи и смысл двадцатого века. Мы дрались за победу социальной справедливости в нашей стране для того, чтобы отпасть потом созданию. И вот уже треть столетия — тридцать третий год советской власти — мы строим заводы, падем нивы, создаем новую жизнь.

Сейчас — середина века. Для нас — это пора активного строительства коммунистического общества

В канун Нового года молодой Лео Сааме на попутной машине доехал до поворота в родной деревне Коорди. Он спрыгнул в грязь и бережно саял с платформы аккордеон в футляре. Приятель-шофер на миг отступил, исполосованную дождем дверцу кабины и, приложив палец к козырьку, пожелав приятно встретить Новый год и отведать кровавых колбас.

Лео Сааме тоже лихо погнался к козырьку, забыв, что на нем сегодня не замасленная фуражка с круглым козырьком, ставшая уже привычкой, а новая шляпа, приобретенная специально для достойного выступления в Коорди.

...Он зашлепал по лужам, отмеривая габаритные шаги длинными ногами, губитыми в новенькие сапожки поперх сапог. Лео Сааме не был в Коорди полгода, с того самого дня, когда успешно закончил курсы машинистов-экскаваторщиков. Именно потому, что не было дома так давно, он стремился приехать в Коорди в канун Нового года. Не одно только юношеское тщеславие подталкивало его. Дело в том, что в пригласительном письме Пауля Рунге была такая фраза: «Хотим посмотреть, какой из тебя парень вышел, и можно ли тебя почитать за один стол с мужчинами из колхоза «Новая жизнь»...»

И Лео непременно хотел войти в Коорди засветло. Днем, пока он дойдет до порога бывшего дома Микельсаара, где теперь правление, а в задней комнате живет мать, его непременно встретят и увидят много людей.

А тут это что? Чего ждешь? Что это за Новый год без снега? Не попортился ли нос шляпой от дождя!

Лео Сааме выбрал взглядом камень побольше, поставил на него аккордеон, саял шляпу и с огорчением осмотрелся. Он вытаскивал из кармана белоснежный носовой платок, но, пожелав его, обернул шляпу руками, а заложило и лицо. Если бы не было дождя, он повесил бы небрежно через плечо и фотоаппарат на ремешке.

Лео отогнул рукава и с удовольствием посмотрел на часы. До Нового года оставалось десять часов, — достаточно большое время, чтобы употребить его с пользой.

Он стал выходить из низины, кое-где залитой озерными водами. Дорога поднималась на невысокий холм, и как Лео ни поворачивался, а все же словно внезапно увидел меж голых зимних деревьев крышу Коорди. Но почему там так тихо? Уже сидят в теньке и тянут пиво? Нет, так рано, не справив всех лод, не привыкли в Коорди саяться за стол...

Старуха Линда Кууск с ведром в руках стояла у двери хлева и широко улыбалась богатой шляпе Лео Сааме.

— Привет, с прибытием! Все в лесу. Еще вчера знобил из лесничества, что придет. И, поставив ведро, она добавила: — Сына Лео Сааме не узнаю... Одним словом, непогожий гость!

Лео входит в остекленную дверь под вывеской «Холхоз «Новая жизнь». Открывает еще одну, большой масляной краской выпрошенную дверь в светлую комнату. Алый свет от плакатов на стенах, от мерцающего знамени, прислоненного к стене за письменным столом, от Доски почета. Да, вот на ней и крупно выписанное имя матери — Линда Сааме...

Потрескивая, горят поленья в кафельной печи. Это, конечно, мать разожгла огонь... Лео Сааме взвонно садится на стул и жадно оглядывается. Перед ним большой радиоприемник с дверцами, похожий на несгораемый шкаф. Это специальный приемник, от него можно установить до десятка радиоточек по домам. Такого приемника полгода назад у них в Коорди не было.

Лео не успевает додумать. Хлопает дальняя дверь, приближаются шаги, и Лео слышит, как мать поет что-то без слов еще звонким голосом. Она открывает дверь и застывает. Мать в затрепанном, но чистом платье и в переноске — видно, только что пришла из хлева от своих телат. Лео Сааме шумно понимает, что ступа, высокий и неуклюжий, в морском пальто и шляпе, которую посылы саять.

— А я гляжу — пенка топится, — громко и немного растерянно говорит он первые понаписав слова.

А мать, молча, сложив руки по груди, смотрит на него. У старой Линды Сааме такое лицо, которого Лео никогда не видел раньше. Глаза у нее становятся огромными и радостными, что-то молодое и прекрасное от прежней Линды, тридцать лет назад пришедшей в дом к бедному кузену Сааме, словно чудом возвращается в них снова. И ничего не видя в комнате, кроме этих сияющих глаз и чуть дрожащих губ матери, Лео Сааме вдруг по столу ставит в сторону аккордеон, забывая о всех тех роскошных вещах, которыми он собрался с первого же шага поехать в Коорди. На мг он забывает и о том, что работает на машине, о которой никто в Коорди когда-то понятия не имел; что на этой стальной машине он за лето проложил пять километров нового русла для тихой речки Коорди; что он ускорила ее течение, благодаря ему стоялые воды с сотен гектаров низин и полей нашли исход.

Лео чувствует вдруг, что не нужно матери показывать ни диплома, ни вырезки из газеты с его именем, бережно хранимые на груди в бумажнике. Нет, ничего этого не нужно — мать знает, видит... Лео чувствует это по ее глазам. И промокший — мужчина уже! — человек в дорожном пальто, в шляпе с ворсом, начинает опухать себя невольным мальчиком перед матерью, колхозной телатницей. Покусившись на ее имя, выписанное среди других на алом кумаче Доски почета, Лео вдруг понимает, что он, пожалуй, будет сегодня не единственным героем.

Люди из Коорди торопылись. От лесной делянки до колхоза было тридцать километров пути — пять часов по размокшим дорогам.

В четыре часа дня, когда распахивали и сложили в ряд последний кубометр смоляных бревен, Пауль Рунге тщательно вытер пилу масляной тряпкой и сказал: — Ну, что же, кажется, все сделали в этом году?

Люди, собравшись тесной группой, с улыбающимися глазами на Рунге, примолкли. И стал слышен шорох легких кафель, стекающих с мохнатых зеленых елей, и далекий дробный перестук ягтя.

— Хлеб в амбарах, работы сделаны, —

Отрывок из нового романа, посвященного продолжению книги «Свет в Коорди». Роман посвящен колхозному строительству Эстонии.

значит, все... — сказал кладовщик Карл Мейстерсон.

— Хлеб посеян, — сказал Рунге. — Люди сыты... Есть корм для лошадей. Коровы в новом хлеву. Долог нет... Год хорошо обернулся. Первый наш колхозный год...

— Тогда пора бы и второй встретит! — громко напомнил Семидор, и все оживилось, заговорили.

— Запугайте лошадей, — решил Рунге.

...В сумерках, озабочен в двенадцать часов, выбрался с проселочных дорог на шоссе и почувствовал твердый настел под колесами. Здесь колхозный конюх Лалль, знаменитый тем, что легко обездвижил самых строптивых лошадей на конюшне, выставил навстречу ветру свой длинный острый нос, вытянул руки с вожжами, крикнул «дой!» — и большой, темной масти жеребчик рванулся вперед. Лалль шутил обогнал всех, но обходя бригадира Пауля Рунге, огибаясь, придержал коня, уступая дорогу, и Рунге понял это, как приглашение встать во главе колхозника.

Пауль Рунге, оказавшийся в Семидоре, повеял обоз и оглянулся. Колонна строилась на ходу. Кое-где ехали две телеги рядом, кое-где обгонял другое, пока каждый не нашел свое место. И, оглянувшись, Рунге изумился той последовательности, с которой построился обоз. — Совсем, как пошла на это сейчас, не случайная последовательность! За ним. Паулем Рунге, бригадиром, замещающим председателем, ушедшего на учебу, выгнали лучший в колхозе конюх, Аугуст Лалль, на сотню труднейшей обогнавший каждого другого в колхозе. За Лаллем очередь только не могла установиться. Рядышком упрямо ехали двое звеневых первого и третьего звена — Оскар Кууск и Вольдемар Сорк, оба люди достойные. Словесное, толстое лицо Кууска, увенчанное запыленным ушаком, утвердилось было перед худым и жилистым Сорком, но затем все-таки почему-то звеневый первого звена уступил место звеневому третьему. Не потому ли, что третье звено собралось с семи гектаров по 28 пентнеров пшеницы и Вольдемар Сорк был представлен в награду?

Дальше Пауль Рунге видел, как позади, утопая в сумерках, за Кууском завалила место Марта Вьдрон, молчаливая, но с характером женщина. Она — шутка сказать! — весной заработала больше всех трудовой именно на пахоте — извечной мужской работе в Коорди. И теперь она повела своего коня вперед Рейна Вьдрона, с которым соревновалась. Это было правдой: в строю расступились и дали женщине завоеванное по достоинству место.

Глаза Лалль, на колонию, Рунге думал, что в такой же точно последовательности они жили и работали в Коорди последний год, стараясь обогнать один другого. Как это было не похоже на те свадебные процессии или на возвращение с ярмарок, когда люди из Коорди тоже составляли колонны! Кто бы пошел тогда обогнать Микельсаара с его жеребцом, Микельсаара — хозяйка трех хуторов? А за Микельсааром равнялись уже остальные хозяева, равнялись по очень четкому ракурсу — по соотношению коров в хлевах, хлеба в амбарах... Меняется жизнь, по-иному оценивается человек в Коорди!

Отметало совсем. Кое-где зажались редкие огни да замаячили вдали, поднимаясь на холмы и опускаясь вниз, лучи от фар грузовых машин, мчавшихся в междудорожные рейсы. Громко и торжественно пели провода, проложенные хотя и рядом в поле, но невидимые в темноте. Казалось, земля поет, темная ночь поет над страной и ветер доносит издалека, из больших русских городов, знакомые слова песен.

— А вот мы не все в этом году сделали, — сказал из темноты Семидор.

— Что? — спохватился Рунге.

— Радио не провели, музыки нет в домах.

— Сделаем, — коротко ответил Рунге и вновь отдался праздничным, взвонным мыслям. Он потрогил своего гнедого, и тот пошел почти вскачь.

Дороги Коорди извилисты, они бегут с холма на холм, крутые повороты ломают их. Так сложилось давно: по следу бегущей лисины, по хвосту ее, как говорят в народе, прокладывали в старину первые дороги. Когда ехали по этим дорогам, редко знали наперед, что встретится за ближайшим поворотом: уютный ли огонек в крепком доме с железной крышей в глубине села, старинный ли с полуполоватыми окнами и неуклюжими колоннами, трактир, выстроенный из камня-плитняка. Большая часть встречались одинокие бескрылые мельницы из того же плитняка, словно безвестные памятники безвестным Юханам, молотившим чужую горючую муку на чужих мельницах.

Не раз случалось Паулю Рунге в юности ехать по этим дорогам, и тогда земля отовсюду казалась ему тяжелой, враждебной и холодной. И вот, мчась теперь вперед живой, непрерывной вереницы полей, он с воодушевленной радостью, почти физически осязаемой и сладко нойшей в сердце, думал: какая же она, эта страна его отцов, все-таки прекрасная и многообещающая! И не с того ли началось это теплое, доброе чувство в сердце, когда он и Айно — новосельцы с Журавлиного хутора — положили свои хлеба не на одиночку основную поляну, а сложили их вместе с хлебами большой семьи в Коорди, так же, как это делала давно в России?..

Хорошо мчаться на сытом коне по дороге в Коорди! Какая же темная ни была ночь, ты знаешь, что едешь не один, а со своим народом. Ты знаешь, что во всех домах жлет возвращающихся тепло и свет. И даже неприятели болятые пастбища и низины, обнесенные камнем, не навоят унынья, когда поймаешь, что пареня из своего колхоза, молодой Лео Сааме, на своей стальной машине — экскаваторе, как Калевипоэг, стальным ковшом врывается в болото, углубляет русла рек, осушает дуга, как сорняк с полей, подрезает болятые поросли...

Айно не была бы женщиной из Коорди, если бы она не знала, что нужно для нового года. На новогодний стол для большого и почетного общества подается

целая свиная голова, сваренная с лавровым листом, перцем и луком. К ней полагаются ломти бройки и расщипчатые картофелины, сваренные пелком в том же отваре. Но главное даже не в свиной голове, а в кровавых колбасах! Их Айно стала готовить с утра, в перерывах между работами на молочной ферме. С утра она сварила ячменную кашу для колбас. Впервые в истории Коорди Айно не могла с точностью сказать, чей же ячмень пошел на это дело, кто вырастил его — отец ее Вао, Пауль — ее муж, или Оскар Кууск. Вернее, все вместе они вырастили его, но от этого он стал только лучше.

Дело полигалося, но Айно нервничала. Успеют ли они вернуться во-время и не расстроится ли все?

Кроме того, мешал Лео Сааме, приехавший на праздник. Он со своей собой повсюду. Обегал всю деревню, зашел во все хлева и конюшни, что-то фотографировал. Он изрядно напоем Айно, и она поставила гостя набивать кашку колбасной начинкой. Он ввязался за это с тем же рвением, с каким брался за любое дело, но затем отбавился, заметив на коммоде бездействующий, еще не установленный рупор динамика. Айно заметила, что какая-то новая мысль пелком завладела им. Он бросил колбасы, и через полчаса Айно увидела его вместе с хромотомат световом Вьдрасом. Они пробрались в амбар, неся лестницу и мотки проволоки.

С наступлением темноты хлопоты на кухне Рунге усилились. На помощь пришла телатница Линда Сааме и помощница Айно — дочка Линда Кууск, и запах мяса, поджаренного в раскаленном, жаростойко брызжущем масле, наполнил весь дом.

В комнате Айно накрыла два стола, составленных вместе. К ним она привинула длинные скамьи и все стулья, какие нашлись в доме, расставила тарелки у каждой положив на скатерть брусничную веточку, а на середине стола в стакане — веточку вечнозеленого можжевельника.

Айно никогда не принимала столько гостей в доме, и теперь, оглядываясь и расставляя стулья, обдумывая, куда куда сядет, ибо есть глубокий смысл в том, кто где посядет за новогодним столом. Во главе стола сядет Пауль, чтобы ему было всех видно и чтобы удобно было сказать застольное слово. Кому же сказать это слово, как не ему — хозяйку, бригадиру, человеку старшему в их деле? Справа от него, конечно, сядет Аугуст Лалль, первый в колхозе работник, а за ним, степенно расправляя плечи и положив на колени руки, едет пахотщик лесной смолы, усидчиво Вольдемар Сорк и Оскар Кууск. Кто же за ними? Да, надо, пожалуй, мужичкам расстелиться и этот стол уступить Марте Вьдрон. Пахлаа она, как женщина, так пусть и сядет среди мужичков. Но тогда рядом с ней нужно посадить Линду Сааме — она и на Доске почета рядом. А слова от Пауля — кто сядет слева? Ну уж тут, как хотите, а сядет Айно — и попробуй что-нибудь возражать! В конце концов, электричество в колхоз-то провели с дохоров ее молочной фермы!

Айно, волнуясь, смотрит на часы. Десять... Ничего нет. Пусть долгий и темный. А, может быть, работу не закончили, и упрямый Рунге оставил всех там?

...Меленно, неотчетливо текут минуты уходящего года.

— Уж не хочется ли и ему посидеть за столом в Коорди? — так с натажной шуткой Айно и смотрит на часы.

И вдруг в дверях показывается возбужденное лицо Лео Сааме.

— Прехвали! — радостно выпаливает он, но не входит, а почему-то убагует по лужам в сторону правления, совсем не жалея салог, начиненных до блеска.

Открыл выключную дверь, Айно слышит голоса, ржание, лай собак. Где-то заработал колхозный насос. Яркие огни зажигаются во всех домах и на дворах, и причудливые тени от зимних деревьев ложатся на сараи и риты, бегут в темные поля, где все торжественное поет провода, донося песни со всей страны. Поют люди Коорди, поет земля, поет новогодняя ночь!

И вот он входит в свет и тепло, люди из Коорди: Аугуст Лалль, Сорк, Кууск и их жены. Входят Семидор и Мейстерсон, и Марта Вьдрон, и еще много людей тапчатся там, в дворах... Шаркает отозвавшиеся стулья. Пауль рассаживает всех в таком порядке, как они ехали сюда из армотного темного леса под моросившим с неба дождем и снегом. И Айно в душе улыбается: все получается так, как именно она и предположила, а слева, рядом, Пауль оставляет одно место свободным!

Линда, едва успевшие помыться в передельце, потирают озябшие красные руки и шуряют на блеск белоснежной скатерти, на электрические огни, на сверкающую виты в рюмках. Семидор развязывает пестрый шарф на жилетной шее, расправляет сырые усы, и у него делается нежное лицо, когда он останавливается взгляд на блуде с кровавыми колбасами, навсезов пропеченными в вилочном масле.

— Айно знает, что нужно пожать на новогодний стол, — ловозливо ворчит он.

Где-то на столе прозвенела стальнойная рюмка, меленно настает торжественная тишина перед застольной речью, и Пауль взвонно оглаживает людей.

Он не успевает еще сказать в слова, как возникает нечто небывалое в этом старом доме. Тинишу нарушает сильный и прекрасный скрипящий напев, словно чудом долетевший из ночи через леса и поля, села, в Коорди. Прозвонен, он смолкает, и в комнату дально врывается буря аллюментов. Сидящие в комнате расстрепано оглаживают друг на друга. Похоже, что им выпонурют, что их как-то чудесным образом увидело много людей сразу, во всем большом советском братстве — от Москвы до океанов. Похоже, что оторой двери — и увидишь тысячные толпы радостных людей...

Верь в самом деле широко распахивается. А на пороге стоит Сааме.

— С Новым годом, — застесливо говорит промолчный, по-поношески неуклюжий Лео Сааме чуть осипшим от работ на болотных голодом и снимает с головы свою роскошную шляпу, смоченную бисером новогоднего дождя.

— С хорошим Новым годом! И у всех в комнате, устремивших глаза на Лео Сааме, мелькает егиная мысль, что вот этот громадный, здоровенный парень, с пущим на губах и блестящими от возбуждения голубыми глазами, сам и есть столь жданный в Коорди Новый год.

Стукнет шум.
Померкнет свет оконный,
Полночь новогодняя пройдет.
С добрым утром год новорозданный,
Старый дром, пятидесятый год.

Здравствуй, Новый год,
С тобой, бывало,
Мы уже встречались с давних пор,
Сколько раз — до твоего начала
Всем календарям наперекор.

Как давно уже твоими днями
Мы живем по множеству примет:
Черезом гудел за тракторами,
Сделанными в счет грядущих лет.

Эшелон пыхтел на перевале,
На волнах качался парокорд —
Шло зерно, что мы авансом сдали
В счет тебя, пятидесятый год.

Родовались мы, тебя встречая
В графиках успехов заводских,
Где давно валежущая кривая
Ходит во владениях твоих.

Здравствуй, Новый год!
Друзья, за дело,
Чтоб в пятидесятом, как всегда,
Нарушая сроки и пределы,
Встретить нам грядущие года.

М. ПРИШВИН ВЕЛИКИЙ ДРУГ

Отрывок из романа-сказки, посвященного строительству электростанции на Дальнем Севере в 1950 году.

Нигде не бывает такой красоты в природе, как на севере в то время, когда свет нового года, быстро нарастая, каждый день больше и больше обнимает собою льды и снега. Тогда воздух, соединяющий тепло солнечных лучей с холодом мороза, рождает в себе особый, пеланый душу аромат и почти вкус. Не надыхнешься таким воздухом, пьешь, упиваешься и все не наешься этим вихом.

Несколько в это время как бы спускаются на землю со всеми своими звездами, какие мы видим на них снизу по ночам, и, наоборот, прихотят сюда звезды и невидимые: так много их сверкает на снежной поверхности. От живой могилы заспанной маленкой елки протянулась голубая тень, другая вытянулась крестиком, и тоже от крестика голубая полоска, и что бы то только ни было, — какой-нибудь полнокровный, стебелек с пустым колосом — все лает на снегу тле голубую. А следы бесчисленных зверушек половинкой своей тенью — голубые, другие половинки их на свету толпе в звездочках. От этого кажется, что небо здесь, на земле, такое же голубое, как видим мы его снизу, только тут чуть-чуть припророщено: чуть пошаркает его лаской зверушка — и оно опять голубое.

Вот так велика красота весны света на севере, что человек, упиваясь ароматным вихом воздуха, не сомневается в начальном единстве того, что мы, разделяя, называем отдельно небом и отдельно землей. Но мало того! Когда человек скользает

на лыжах по этому усыпанному звездами небу и дышит таким пеланым воздухом, он перестает бояться своей мечты, и ему тогда кажется, будто, если только он хорошо вообразится, то может соединить небо и землю, как они соединяются здесь только на время весны света. Жуткий мороз и горячие лучи солнца, соединяясь в дыхании, рождают в человеке готовность начать великую борьбу за единство мира у нас на земле...

Так зарождалась и эта наша борьба за новый свет на севере. Не трудно от мечты за наше лучшее перейти к самому делу и не оставлять своей великой мечты до конца. После весны света на севере неизбежно начинается весна воды: убагуют воды в моря, поднимается небо, и на земле остаются цветы. А дальше, осенью, небо и земля на севере совсем разделяются и, наконец, зимой небо еще вспоминает о свете вспыхивая северного сияния, а земля погрузается в полный мрак.

Год проходил, другой, в опромном труде многих тысяч людей, соединенных, как один человек, имеющий власть над природой. И вот везде — на Давне, на Печоре, на Мезени, на Онеге, на Новой Земле, в долинах, избах, вртах и тумаш вспыхивают

электрические лампочки, слышится по радио музыка, какой нигде до не слышали на севере.

Но всего чудеснее видеть на севере в темное время, когда нет света ни на земле, ни на небе, огонек нового света в каком-нибудь туме: там за столбом при новом свете маленький мальчик сидит, читает книжку. Пусть в этом туме больше не видно ни земли и ни неба, все равно! — тут есть что-то для человека большее и земля и самого неба.

Что же это такое, что больше земли и неба? Помните же юность свою, когда сердце бросается в ярость и дрожит у спокойной звезды, и замирает у звезды моршавшей, а то разбегается кождевою вой по ветрам деревьев и скрывается в волюю в подземные мари. И сколько всего! Но когда приходит друг, — это все исчезает: друг больше всего и все — в нем.

Так и в маленьком туме на севере в темное время: пусть в книжке на первой странице мальчик найдет знакомый ему портрет человека, которому люди вверили свое счастье, но пусть в этой книжке и не оказалось такого портрета — одно только имя: мальчик знает его — он один, великий друг на родной его земле существует. Он учит своих детей соединять в каждой отдельной маленькой жизни небо и землю, и в руке своей он держит уголь человека, имеющего власть над природой.

Вадим КОЖЕВНИКОВ В ДОМЕ ОТДЫХА

Сквозь стеклянные стены летнего сада, притормо пахнувшего теплым воздухом и испарениями растений, был виден парк, высокие гордые сосны с пернатыми ветвями.

Наступали сумерки. В их синеве особенно белыми казались нежные пушинки снега, меленно, осторожно колышавшиеся в воздухе.

Оранжевая мягкая джухота, глубокая тишина дома открыла, вид меленно падающего снега — все это вызывало приятное, сонливое оцепенение.

И сидя в кресле и смотря на стеклянные стены, за которыми бесшумно падал густой и нежный снег.

Где-то в глубине галлерей журчал фонтан. Мерный звон струи также действовал усыпляюще, и сквозь баюкающее бешение до меня доносился негромкий разговор двух людей. Это были, видимо, какие-то хозяйственники, потому что говорили о каменных, цементе, о рабочих часах. Кого-то бранили, кого-то хвалили — и здесь они не могли расстаться со своими служебными переживаниями. Но вот один из них, влохуш, мечтательно произнес: — А снег все идет. И смотри, как важно, веторолкико приземляется. Вроде моей Зинаиды. Все успевают уже парашюты разорвать, а она все, бывало, в небо висит, словно хризантема.

— Это только ты, со своими девонство килограммами, со своим и ветером протелат, — ехидно сказал собеседник.

— Во мне было бы семдесят.

— Зато в сорок четвертом тебя ни один парашют не выдерживал.

— Это я после госпиталя поправился.

— А это вот так до конца войны ни разу отдохнуть не привелось.

— Нашел чему завидовать!

— Вяркова после госпиталя сразу на второй курс строительного принял. Он пока болел, успел все предметы за первый курс пройти. Вот и завидую.

— У него тяжелое ранение было.

— Понято. С легким — только и успеешь беллетристику почитать. Вот мне бы сейчас что-нибудь этакое, а бы сразу заочный полностью прошел.

— Ты подумай, какую чепуху городишь.

— А зачем мне здесь думать, я отдыхаю. А на часы ты не смотри, здесь все по звонку живут, сами позвонят к ужину.

— Беспособно, Зина ушла в семь, да еще без бутюков. Место неважное, может, заблудилась.

— А ты бы ей компас на грудь повесил вместо брошки.

— Пожалуй, я пойду.

— Это тебе полезно для молочки.

— Хоть бы свечер надела.

— И штаны стеганные.

— Ну, знаешь...

— Да ведь носила же.

— Ты не хочешь со мной прогуляться?

— Зинаиду искать? Нет. Я уже раз для тебя ее нашла, с меня хватит.

— На реке лед замер, как ты думаешь?

— До реки отсюда всеместит километр. И знаешь, идти-то ты скорей. А в случае чего, дай ракетами: один раз зеленой и два раза красными или наоборот, заблуди уж, как у нас там было.

Рассказ

Вскоре я увидел идущего по парку высокого широкоплечего человека в расстегнутом кожаном желтом пальто. Он озабоченно разглядывал снежный покров и даже в одном месте присел на корточки, будто искал что-то на земле. Потом решительно направился в чащу деревьев.

— Выдали невестника? А?

Я обернулся. Передо мной стоял человек с сухим острым лицом, покрытым протным коричневым загаром. Заснув руки в карманах, покатываясь на широко расставленных ногах, он смотрел прищуренными нащепленными серыми глазами.

— А ведь какой железный товарищ был! Это с ним после войны страдалось. Ну разве можно так трепетать над своей супругой?

— Значит, любит сильно.

— Любит? Да он ее десятки раз на смерть посылал, глазом не моргнув. Я ему даже говорил: «Что это, вы, товарищ начальник, на Зинаиду Петровну все навальваете? Ну, раз упледела, ну два, а на третий нужно хоть какую-нибудь перемишку дать». А он: — «Неопытного человека в тыл посылать, вот это действительно на верную смерть. У Смирновой поспе как-то выполненного задания увеличивается возможность остаться живой». Это он так жену по фамилии называл. Ну, что вы теперь скажете? Я сам из-за этой его принципиальности чуть было в праотном не отправился. Мы с Зинаидой Петровной прыгали в районе немецкого аэродрома. Задание пустяковое. Засеть где-нибудь вблизи и пеленовать расположение. Ветришка, правда, была сильная; начался Зинаиду Петровну сыпать в озеро. Ну я решил подорвать к ней. А на нем рация — двадцать килограммов. Окунулся в озеро, Зинаиду Петровну спас, а рация отказала. Стала отскакивать. Через пять минут начальник сам сбросился с новой рацией. Выполнил задание и решил тут же на месте меня расстрелять. Я говорю: как же ты меня здесь расстреляешь, когда немцы крутом, услышал выстрел — прибежот, все промолкает. А он: — «Тогда тебя вало повесят».

Спустя некоторое время снова получаю задание — с Зинаидой Петровной в тыл. Я ему: — «Товарищ начальник, не могу я с женщиной работать!». А он: — «Приказываю и все!» А дело крайне сложное, по линии разведки. Полуцеловека одного мы должны были поймать и в штаб доставить.

Декабрь месяц, стужа отчаянная, а мы специально легко одеты, чтобы полорожения не было, что со стороны в горю прибыла. На Зинаиде Петровне шапочка, жакет и ботинки, ну и я в этом роде. А нам его из горюда нужно было километров пятьдесят вести да еще до болоту. На нем шуба, ему ничего. Стал я с него шубу снимать, лужу. Зинаиде Петровне накинул. А он лег и говорит: «Лучше сразу, чем от мороза погубит». Я бы его, конечно, полюбил, а бы его заставил в любом виде идти. Только я к нему с револьвером, а Зинаиду Петровна, как на меня взглянет, глаза у ней неприятные стали такие, с зеленым отливом, пронзительные. И говорит: — «Не смеешь!» Я ей: «Кто здесь старший?» А она: — «Если вам холодно, я вам свой жакет дам». Характерная женщина, ничего не скажешь. Так и шли мы вышпыржку. Аж до костей прохатывало, а этот в шубе пыхтел от скорой ходьбы.

Потом я же от начальника замечание получил: — «Почему во время задания полчиновые с вами в прерывания вступаю, какой же вы командир после этого?»

Да и сама Зинаиду Петровна от него пострадала. Ей за ее работу шесть орденоч причислялся бы, а он ее только к Красной Звезде представил. Да и те после того, как</

ОЧЕРЕДНОЙ СЮРПРИЗ ВАТИКАНА

Наместник бога на земле, благочестивый защитник гитлеровских палачей и предателей всех мастей, а по совместительству — негласный уполномоченный магнатов доллара на грешной нашей земле, его святейшество папа Пий XII обратил к своей пастве слово духовного наставления по случаю наступающего нового года.

Следует признать, что на этот раз в папском голосе внезапно зазвучали несколько неожиданные ноты. Еще недавно он в грозной буле предавал церковному проклятию всех прогрессивно мыслящих людей. Наместник бога рычал, потрясая потерянными небесными грамотами и молниями.

Однако народы не устали от папских проклятий. Его угрозы даже в среде католиков не вызвали никакой реакции, кроме возмущенного недоумения.

Сие обстоятельство, очевидно, и побудило папу, не меняя ни на йоту существа своих претензий, пустить в оборот прежние угрозы в более мягкой словесной упаковке.

Новогоднее обращение папы «оркестровано» в тонах голубиной кротости. Это обращение — одновременно и проповедь, и реклама предстоящего «святого года», каковым объявлен наступающий 1950 год. «Святой год» задуман как год большого бизнеса. Папа надеется, что папоники, привлеченные благочестивой рекламой в Рим, не только пополнят кассу Ватикана, но и, так сказать, поднимут его сильно подомоченный авторитет.

В своем послании папа выражает надежду на то, что новый год будет «годом прощения для многих заблудших», и готов их милостиво принять в свои объятья. Какое любвеобильное сердце! Какое смиренное папе горести! И притом как ясно просветляется здесь признание собственного банкротства!

Впрочем, от расшаркивания перед «заблудшим» человечеством папа быстро переходит к сварливому и запальчивому упреку. «Все помыслив людей, — восклицает, — возмущается он, — обращены только к земному существованию, у них нет другой цели, как наслаждаться благами предоставляемыми». Эта «никчемность» человеческих желаний никак не устраивает Ватикан. Папа истово взывает: «Бедные и угнетенные! Не меняйте блага небесные на блага земные!». Он сипитесь убедить мир, будто бы разрешение таких проблем, как безработица, нищета масс, бедность и т. д., вообще невозможно «в связи с ограниченностью человеческой природы».

А поему — настаивает папа — нет смысла стремиться к их разрешению и призывает к воцерковлению «мира между классами» и «духа всепрощения». Угнетенный да возлюбит угнетателя своего!

На свободе и за решеткой

В рождественском послании короля, адресованном английскому народу, содержится, между прочим, и такое весьма проникновенное место: «Мы глубоко благодарны нашим добрым друзьям в США, которые сочувственно отнеслись к нашим проблемам и затем приступили к делу, чтобы помочь нам разрешить их...»

Видно, одним из проявлений этого сочувствия, — правда, не слишком ароматным, — и явилась крупная партия абсолютно негодной к употреблению, протухшей свинины, поставленной из США в качестве рождественского подарка английскому народу. Эту свинину предполагалось выдать с немалой помпой трудящимся в виде добавки к их скудному мясному паюку. Однако мясники наотрез отказались принять ее, заявив: «Такую падаю мы не станем пролавать. Дайте народу хоть в дни праздников человеческую пищу».

В одном только городе Лидсе, как сообщало будущее радио, на склады было возвращено на 1.500 фунтов стерлингов протухшего американского «подарка».

Перенесемся из города Лидса, где обитают простые и честные люди Англии, в камеру берлинской тюрьмы Шпандау, где сидят немецкие главные военные преступники. Здесь, в самом центре торжественного

праздничного стола, мы тоже сможем обнаружить вещественные доказательства явного американского к ним сочувствия. Но это будет не какая-нибудь тухлая свинина, а роскошная традиционная индейка и даже сладкое блюдо.

Верховный комиссар США в Западной Германии Макклой на сей раз рассчитывался настолько, что разрешил осужденным в Нюрнберге гитлеровцам не просто собраться за рождественским столом, но даже посвятить некоторое время совместной оживленной беседе.

Надо думать, что матерые нацисты используют такую возможность не для одного лишь обсуждения качества американской индейки, но и для выражения ответной благодарности мистеру Макклою.

Епископ Чистерский, рождественское послание которого передавалось недавно по радио из Лондона на немецком языке, утверждал: «Мы можем найти правильный путь не посредством вынесения суровых приговоров военным преступникам, а путем благодеяния, терпимости и всепрощения».

Придет мистеру Макклою, видимо, срочно направить в тюрьму Шпандау шампанское, чтобы находящиеся в ней нацистские палачи сумели поднять бокал и произнести тост и за серболовного епископа.

Румынская выставка в Москве

В последние дни 1949 г. в Москве открылась выставка, как бы подводящая первые итоги того расцвета, который переживает изобразительное искусство новой Румынии. В тринадцати залах Академии художеств СССР выставлены живопись, графика, скульптура, произведения народного искусства — костюмы, ковры, резные деревянные изделия, народные музыкальные инструменты — лучшие из лучших произведений румынской национальной сокровищницы.

Многие экспонаты, привезенные в Москву, десятилетиями не были известны даже румынскому народу. Их скрывали в королевских дворцах, и лишь теперь они стали доступными для всеобщего обозрения.

Новый социалистический строй Румынии вызвал к жизни и новое искусство. И это ярко сказалось на содержании выставки, на ее тематике. Она знакомит советских людей с наиболее талантливыми румынскими художниками, начиная с XIX века и до наших дней.

В центре выставки — работы молодых мастеров, которые, преодолевая сложные пути исканий, стремятся приблизиться к запросам своего народа и выйти из-под чуждых формалистических влияний. Их живопись, графика и скульптура показывают новое, демократическое Румынию, любовь и преданность румынского народа к СССР, к великому Сталину.

Этому творческому сближению двух народов послужили свои выступления на открытии выставки заместителя председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР Н. Веспалоса и президента Академии художеств СССР, народного художника СССР А. Герасимов.

С ответным словом выступил министр искусств и информации Румынской народной республики г-н Э. Мезинческу, который от имени правительства и народа своей страны горячо благодарил советское правительство за братское содействие в развитии румынского искусства.

Польская деревня на подеме

Народно-демократический строй открыл перед польским крестьянином широчайшие пути к развитию экономической и культурной жизни. Возникновение машинных станций, кооперативов «Крестьянской взаимности» и первых производственных кооперативов сопровождается широким развитием роста культуры и просвещения на селе. Польская деревня имеет сегодня четыре тысячи изб-читален Союза крестьянской взаимности, 20 тысяч сельских библиотек, большое количество кружков по самообразованию и ансамблей самодеятельности, около 750 сельскохозяйственных школ и ста средних школ, 44 народных университета и т. д.

Глубокие изменения, происходящие сейчас в жизни деревни, ждут своего отображения в польской художественной литературе. Недавно редакция общественно-литературного еженедельника Союза крестьянской взаимности «Весь» («Деревня») организовала конкурс на лучший репортаж о жизни современной деревни Польши. В состав жюри конкурса вошли маршал сейма Владислав Ковальский, писатель Люциан Рудницкий, представитель Министерства культуры и искусства писатель Ян Вильчек, представители министерств просвещения и сельского хозяйства, Института литературы, Союза польских писателей, польского радио, Главного управления Союза крестьянской взаимности.

Редакция выдвинула перед писателями задачу не только записать совершающихся в деревне изменений, но и литературной помощи крестьянским массам, строящим в деревне социализм под руководством рабочего класса. «Ваши произведения, — говорится в обращении к писателям, — должны показать беднякам их классового врага, должны создать образы новых людей, показать все те учреждения, которые сегодня в деревне, последовательно преодолевая трудности, преобразовывают формы хозяйства, сознание и культуру трудящихся масс крестьянства».

Привлечение литераторов к активному участию в борьбе за новую польскую деревню, несомненно, будет содействовать дальнейшему ее подъему.

краткий твердо занял свое место сбросивший с себя цепи рабства многомиллионный китайский народ. Возникла Германская демократическая республика...

Есть над чем подумать новым преступным претендентам на мировое господство, подготавливающим третью мировую войну!

Ход истории неустанно ускоряется.

Несколько лет тому назад гений человека открыл могучую силу природы — атомную энергию. Заправили старого мира обновили эту исключительную победу человеческого разума своей монополией. Для какого бестыдного вымогательства, для каких человекоуничижительских угроз использовали ее тотчас же заправили загнивающей, обреченной природы!

Но их монополия на атомную энергию была призрачной. Историческая закономерность показала, что ключ к новым и новым завоеваниям человеческого духа прочно находится в руках советской социалистической науки. Не для уничтожения, а для изменения природы, для новых величайших достижений техники, для торжества жизни и мира на земле использует советская наука атомную энергию.

Да, мир — это призыв, который заставляет взоры всех честных людей во всем мире обращаться с любовью и надеждой к Генералиссимусу Сталину, к стране социализма, стоящей во главе фронта мира. Все страны народной демократии Европы и Азии скрепяют мощную цепь этого фронта. Ее звеном является Германская демократическая республика, ее творцами чувствуют себя миллионы и миллионы честных и миролюбивых людей во всех частях света, поднимающихся на борьбу за прочный мир и независимость, повышающих свою бдительность в отношении поджигателей войны, вредителей и предателей.

Якая звезда Советского Союза стоит в зените всего человечества. Трудящиеся всего мира, поработанные и колониальные народы возлагают на нее свои надежды.

С могучим оптимизмом подходим мы ко второй половине XX века. Ход истории все ускоряется. Тот, кто поймет его закономерность, кто решится взглянуть смело глазами на завтрашний и послезавтрашний день, имеет право на такой оптимизм. Перед его взором открываются перспективы нового золотого века человечества, зримые черты которого воплощены в развитии Советского Союза.

Советская наука одерживает новые и новые победы над тайнами природы. По следам Мичурина в руках Лысенко расцветает новая богатая социалистическая пшеница. Советские люди — авангард мира — завоевывали пустыни, выравнивают горы, завоевывают природу. Советская культура и советское искусство воспитывают нового героического, глубоко гуманного человека, создают братские отношения между людьми; советская медицина быстро движется вперед в поисках новых путей для укрепления здоровья людей, продления человеческой жизни... Советский народ вступил на путь коммунизма.

Взглянем смело вперед. Ворота золотого века открыты ключом марксистско-ленинской науки для тружеников всего земного шара!

Это не будет золотой век Овидия. Это будет век богатства, благоденствия, созданного невиданной производительностью человеческого труда, век наиболее глубокого изменения лица земли, наиболее совершенного развития человеческого разума, век открытия тайн, наиболее всестороннего использования и умножения всех человеческих способностей и талантов, век новой дружбы, новой любви.

Это будет век не наименьшего познания, а век глубокого и победоносного познания законов природы и общественного развития широчайшими массами людей труда. К такому веку мы идем, имея по пути марксистско-ленинской науки, по пути сознательной победы над природой и всякими врагами человеческого рода. К такому веку ведет народы мира величайший гений всех времен, самый дорогой друг всего трудящегося человечества — Иосиф Виссарионович Сталин.

С его именем в сердцах мы смело и радостно вступаем в Новый год.

ПРАГА

Ян ДРДА

вых успехов; каждый новый советский успех укрепляет любовь и гордость трудящихся мира, вызывает страх и ненависть международных империалистов.

Ход истории все ускоряется. Советская звезда поднимается все выше и выше.

К рабочим старого мира доходят вести о новых творческих успехах: слышат, советские люди завоевывают Арктику, слышат, сталинский сокол Валерий Чкалов перелетел через Северный полюс в Америку... Авиация, изобретенная, приходящая XX веку характерные черты, становится в руках советских людей победоносным инструментом социалистического расцвета.

Ход истории неустанно ускоряется. И вот уже грозовой 1941 год. Фашистский убийца, вскормленный империализмом, озирается на производство поверженной, хотя не покоренной Европы, насыщенный запасами ее складов, подержанный всеми державами зла, подымает меч на Советский Союз. Народы всего мира затанцевали дыхание; на карту поставлено будущее человечества. Но непреклонна их вера в могучий Советский Союз, вера в великого Сталина, который в глазах и сердцах всех трудящихся является знаменосцем будущего человечества; его бесконечно дорогое имя звонко произносится сотни миллионов людей. Сталин — высшее олицетворение творческого гения советского народа, гениальный продолжатель дела Маркса и Ленина, вождь международного рабочего класса — встал на свои плечи бремя всего мира, чтобы привести трудящиеся человечество к счастливому завтра.

Сталин. Имя из стали. Прочнейшая броня героической Советской Армии, оставившей и обескровившей фашистскую бестию под Москвой. Через год в самой грандиозной и жестокой битве истории, в битве за город Сталина, сталинский полководческий гений разгромил многотысячные армии врага. Народы мира затанцевали дыхание. И хотя еще не было конца войны и хотя должно было пролиться еще не мало драгоценной крови на полях битв и на аэродромах фашистских взлетных, все честные люди мира знали: Сталин доведет мир до победы.

Ход истории неустанно ускоряется. Десять сталинских ударов. Это десять ударов пульса огромного сердца истории. Над Берлином развевается красное знамя. На улицах Варшавы, Праги, Софии, Будапешта, Бухареста, Тирани, так же как и на улицах Парижа и Рима, раздаются гимны благодарности Советской Армии, советским народам, освободившим Сталина.

Тот, кто поднял меч на Советский Союз, от меча погиб. Так будет всегда! А победоносный сталинский Советский Союз — первая держава свободы, мира и прогресса — поднялся на новую высоту. Его сияние вдохновляет на борьбу за мир и демократию все свободные народы земного шара.

Мы хорошо знаем, что враги человечества снова поднимают головы, вылезая из темных закоулков, что они готовят новые гнусные заговоры и преступления. Снова злобные акулы Уолл-стрита договариваются с подлым ватиканским старцем, с бевинскими и блумовскими предателями, с титовскими шакалами, с фашистскими убийцами детей, чтобы в этом грязном, подлом союзе спровоцировать новую войну.

Пусть они оплываются на историю первой половины нашего века. Пусть подведут итоги двух развязанных ими мировых войн. С неумолимой неизбежностью капитализм катится к своей неминуемой гибели. Над миром властно поднимается солнце социализма, зажженного гением Ленина и Сталина. Освобожденные Советской Армией народы стран Центральной и Юго-Восточной Европы, отныне и на веки веков связанные братскими узами с народами Советского Союза, свободно развиваются, быстро движутся к социалистическому завтра, используя опыт первой в мире социалистической державы. В братской семье народных демо-

ветской страны является днем нов...

Вл. МАСС и Мих. ЧЕРВИНСКИЙ

Рис. Бор. ЕФИМОВА

НОВОГОДНИЕ ГАДАНИЯ

Гадает старость сквозь очки У гробовой своей доски. Всп потеряв Невозвратимо... А. ПУШКИН.

На зеркале и картах...

По руке...

Гадает Бредди бесноватый, Что принесет пятидесятый? Холодный пот течет со лба, Он взгляд свой в зеркало вперяет, А там, как призрак, возникает, Смесь над ним, его судьба.

Блюз — жаба в черном сюртуке, Прощел предательства науку, И вот гадает по руке, Вернее, просто лижет руку.

Гадание о суженом...

Гадает миссис Уолл-стрит, Какого Новый год сулит Ей суженого? И в тревоге Она у двери гостя ждет. Ну что же — суженый в дороге Шагами быстрыми идет.

«За ворота башмачок...»

Сар Черчилль вышел на порог, Под Новый год и он гадает, Он за порог, как башмачок, Калашу старую кидает. Но ничего он не добьется: Не раз и в будущем году У всех народов на виду Ему в калашу сесть придется.

Глядя в воду...

Гадает Тито у корыта, Что для него в грядущем скрыто? И устремив в корыто взор, Он свой читает приговор.

На бобах...

Вот Чан Кай-ши в унылой позе Гадает, сидя на Формозе. О чем гадать? Пришла расплата! В душе отчаяние и страх... Он на бобах гадал когда-то, И вот... остался на бобах.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, П. ПРОНИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.